

Ольга Карпович

Семейная
тайна

Роман

Ольга Карпович
Семейная тайна

«Карпович Ольга»

2015

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Карпович О. Ю.

Семейная тайна / О. Ю. Карпович — «Карпович Ольга», 2015

ISBN 978-5-699-83874-5

Александра, успешная и жесткая молодая женщина, довольно давно переехала в Америку, полностью посвятив себя карьере. В ее семье никогда не было теплых отношений: родители и дети жили независимо друг от друга и виделись очень редко. Но однажды несчастный случай собрал всю семью вместе, и тогда из глубин прошлого стали всплывать ужасные тайны. Одна из них полностью перевернула жизнь Александры, разбив с таким трудом наращённую ледяную броню.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-699-83874-5

© Карпович О. Ю., 2015
© Карпович Ольга, 2015

Содержание

1	5
2	19
3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ольга Юрьевна Карпович

Семейная тайна

1

В окно кабинета директора «Центра реабилитации и восстановительной медицины “Владимирское”» лезли лохматые ветки цветущей сирени. Задиристые воробьи, как видно, не поделившие что-то, метались туда-сюда среди пышных сиреневых соцветий, дрались и отчаянно верещали.

Воронцов Алексей Михайлович, рассеянно глядя на разорвавшихся птиц, сидел за столом, прижав к уху телефонную трубку, и напряженно слушал бубнивший оттуда монотонный голос.

– В связи с низкой окупаемостью санатория было решено пересмотреть... – бормотал безликие казенные фразы чиновник из Минздрава. – Встал вопрос о соответствии сегодняшним директором занимаемой должности...

– Ты мне, голубчик, всю эту тряхомудию не втюхивай, – не выдержав, взревел Алексей Михайлович. – Прямо скажи: что, захотел новый начальник своего человека на мое место посадить, а?

Дышать было трудно...

Грудную клетку словно сдавило стальным обручем, и директор продолжал говорить, с трудом выталкивая слова из пересохшего горла.

Кровь прилила к щекам, голову нещадно ломило, но остановиться, отдышаться не было сил.

– Я тридцать лет на этом месте, как приговоренный... А этот там... новая метла по-новому метет... слышать ничего не желаю... по собственному желанию... пусть, если такой прыткий, жопу от стула оторвет, сам придет и выпшвырнет меня, как щенка... мать вашу...

Воронцов бросил трубку на рычаг, лихорадочно потер ладонями виски, взрывавшиеся от пульсирующей боли.

В голове металась отрывочные мысли: «Андрея позвать... Комиссию надо... Здесь же все моим трудом, вся моя жизнь... Пусть приедут с проверкой, отчет составят...»

Он снова схватился за телефонную трубку, прорычал ответившей секретарше:

– Надя, Андрей Палыча ко мне, быстро!

Голова становилась все тяжелее, сердце уже колотилось, как будто внутри черепа.

Алексей Михайлович тяжело поднялся из-за стола, ухватился пальцами за столешницу, усилием воли удерживая проваливающееся сознание.

В дверь кабинета коротко стукнули, на пороге появился главврач санатория Новиков Андрей Павлович. Воронцов попытался сделать шаг навстречу, но ноги словно провалились в вязкую трясику. Из горла вырвалось хриплое сдавленное бульканье...

Главврач едва успел подхватить тяжело повалившегося навзничь директора Воронцова.

* * *

Заседание по делу Маккинстри назначено было на девять утра.

Александра Воронцова еще раз просмотрела все документы, над которыми работала последние два месяца. Бумаги толстыми стопками возвышались на столе, путались, рассыпались и грозили погрести под собой всю полированную столешницу. К счастью, лишних предметов, которым могли бы угрожать разросшиеся бумажные завалы, у Александры на столе не водилось – ни фотографий близких, ни памятных безделушек.

Александра в который раз перебрала подготовленные бумаги, отложила те, которые необходимо было представить коллегам на совещании, затем заглянула в ноутбук, проверяя, работает ли подготовленная ею презентация.

Все было в порядке.

До заседания оставалось еще пять минут, и Александра, приучившая себя тратить время рационально, отодвинулась в высоком крутящемся кресле от стола, встала и подошла к окну.

Между белыми пластиковыми полосами жалюзи можно было рассмотреть открывавшийся за стеклом солнечный пейзаж.

Утренний Чикаго. Город, который последние двадцать лет miss Vorontsov считала своим домом.

Офис располагался на двадцать втором этаже, и белые, влажно набухшие, подсвеченные розовыми утренними лучами солнца облака висели, казалось, прямо напротив окна, едва не цепляясь краями за крыши соседних, круто уходящих в небо многоэтажек. Далеко внизу можно было увидеть ухоженную изумрудную зелень парка, а чуть правее – чуть подернутую мурашками прозрачную воду залива...

Александра рассматривала открывавшийся за окном живописный вид вовсе не ради эстетического удовольствия. Последние несколько месяцев, посвященные делу Маккинстри, ей приходилось работать по четырнадцать, а то и шестнадцать часов в сутки. И глаза, никогда не подводившие ее раньше, вдруг начали сдавать из-за постоянного напряжения.

Вероятно, сказывался возраст. В сорок три проводить многочасовые бдения за компьютером оказалось несколько сложнее, чем в тридцать три. К концу трудового дня глаза начинали слезиться, а черные буквы на экране или на бумаге – расплываться и расплзаться. А значит – трудоспособность резко падала, с чем она никак не могла смириться.

Нужно было что-то делать, чтобы собственное тело, которое Александра всю жизнь считала не более чем оболочкой для мозга, больше не подводило. И Воронцова теперь старалась каждую свободную минуту давать глазам отдых, чтобы не допустить появления этих неудобных симптомов и унижительного чувства беспомощности, которое они влекли за собой.

Однако на этот раз ей не удалось уделить разглядыванию пейзажа за окном все остававшиеся у нее пять минут: в дверь осторожно постучали, и в кабинет просунулась голова Карен.

Двадцатитрехлетняя стажерка, которую взяли в фирму около полугода назад, последние два месяца исполняла функции личного помощника Александры. Девушка она была толковая и сообразительная, но, как вынуждена была отметить Воронцова, не слишком серьезная. По мнению Александры, девчонка слишком мало уделяла внимания работе и слишком много хихикала, чтобы рассчитывать на серьезную карьеру. Да и строгие белые блузки – принятый в офисе дресс-код – вечно сидели на ней как-то криво.

Карен остановилась у противоположного конца стола Александры, уцепилась кончиками пальцев за край столешницы и, опустив дерзкие, всегда веселые карие глаза, заговорила:

– Мисс Воронцов, я хотела бы вас попросить. Не могли бы вы отпустить меня пораньше в эту пятницу? Дело в том, что мы с друзьями...

Александра, слушая ее, собирала нужные для совещания бумаги в прозрачную папку.

Многословные объяснения Карен были ей вовсе не интересны. Она и так поняла, что девушка с компанией приятелей собирается провести выходные на каком-то музыкальном фестивале, где они, разумеется, будут слишком много пить, возможно, курить марихуану и заниматься беспорядочным сексом.

Как проводит Карен свое нерабочее время, конечно, Александры не касалось, но поощрять подобного рода развлечения в рабочее время она не собиралась.

– Карен, к сожалению, я ничем не могу вам помочь. Вы прекрасно знаете, как мы сейчас загружены в связи с делом Маккинстри...

– Но, мисс Сандра... – умоляюще затянула де-вушка.

Александра поморщилась.

Она терпеть не могла, когда ее имя пытались сократить подобным образом. Алекс – еще куда ни шло, но жеманное и кокетливое «Сандра»?!

В любом случае выслушивать причитания Карен у нее сейчас не было ни времени, ни желания, хотя будь у нее и то и другое – на ее решение это все равно бы не повлияло.

– Карен, давайте договоримся на будущее, – с обманчивой мягкостью в голосе произнесла Александра. – Вас не волнуют мои проблемы, а меня не будут волновать ваши. О'к? Пойдемте, сейчас начнется совещание.

И, не обращая больше на девушку внимания, Александра, подхватив со стола папку с бумагами и ноутбук, вышла из кабинета.

Совещание прошло отлично.

Они с коллегами обсудили все, что было сделано по делу Маккинстри за последнее время. Александра собрала документы, включила звук на мобильном, который отключала на время встречи, – и телефон тут же взорвался звонком. Александра удивленно подняла брови, увидев высветившийся на экране номер.

Звонила мать – и это само по себе было удивительно.

Ее отношения с родителями, жившими в России, поддерживались парой дежурных звонков по скайпу в месяц. Звонок в неурочное время означал, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

Воронцова поднесла трубку к уху и услышала:

– Сашенька, дочка...

В груди тотчас же возникло неприятное тревожное ощущение.

Мать не была щедра на ласковые обращения, и вместе с неурочным звонком это означало, что случилось что-то совсем плохое.

– Я слушаю, мама, – ответила она, с усилием заставляя себя переключиться на русский язык.

Мать лепетала бессвязно, перемежая речь всхлипываниями и причитаниями:

– Я столько пережила, столько выстрадала. Ах, Сашенька, папа... Эти проклятые министерские крысы... Новый человек в Минздраве, конечно, захотел продвинуть своего. А отец, он столько сделал для этого санатория! И теперь... инсульт...

– Мама, успокойся, – твердо прервала ее Александра. – Я ничего не понимаю. Что с отцом?

В конце концов ей удалось выяснить: у отца на работе возникли проблемы, и он, перенервничав, свалился с инсультом. Сейчас отец находился в бессознательном состоянии, прогнозы лечащих врачей были неутешительными.

Мать рыдала и требовала, чтобы Сашенька прилетела прощаться, потому что папы со дня на день не станет.

– Ох, я не могу больше, – всхлипывала мать. – Я забрала его домой из больницы. Здесь уход, сиделки, и я сама с медицинским образованием. Но это такой ужас, Саша. У меня сердце разрывается.

– Хорошо, – коротко произнесла Александра. – Хорошо, я приеду.

Она дала отбой и несколько минут, нахмурившись, невидяще смотрела на собственное размытое отражение в полированной поверхности овального стола для переговоров.

Первым и самым стойким поселившимся в ней чувством было раздражение.

Все случившееся было совершенно не ко времени, ей сейчас нельзя было улетать в Россию, у нее столько работы...

И мать, с ее бессвязным бормотанием, ничего толком не объяснила о состоянии отца, лишь жаловалась на то, как измучилась и издергалась. Затем пришел страх.

Переехав в Америку, она виделась с родителями довольно редко, но они оставались в сознании чем-то неизменным, постоянным. Не испытывая особой потребности к сближению, Александра знала тем не менее, что где-то там, на другом конце мира, они живут, общаются с другими своими детьми и внуками, работают. Отец, Алексей Михайлович, – вечно деятельный, вспыльчивый и суровый, – как всегда, муштрует своих подчиненных. Мать, Лидия Сергеевна, вылизывает дом, готовит свои разносолы и со стоической слабой усмешкой сетует на то, как тяжело ей приходится «с Алешей»...

Случившееся разом расшатило привычную картину мира, сделало все вокруг зыбким и неверным.

Неужели отец действительно может умереть?!

Этот вечный оплот стабильности и порядка в окружающем мире?

Но как же... Как?

Александра сцепила руки в замок, до боли сжала пальцы.

Ладно!

У нее сейчас нет времени на экзистенциальный ужас.

Ей нужно заказать билет на самолет, объяснить с партнерами, перераспределить часть работы, которую она собиралась сделать в ближайшие дни, на подчиненных. Кажется, Карен придется отказаться от поездки на музыкальный фестиваль и провести выходные в офисе. Черт, девчонка еще решит, что она придумала это нарочно...

Александра хмыкнула и через силу усмехнулась. Затем встала из-за стола.

Нужно было еще многое успеть.

* * *

– Почему он вообще не в больнице? – спросила Ася.

Она подтянула колени к груди, обхватила их руками и поставила босые пятки на нагретое солнцем сиденье автомобиля.

За окном машины уже вечерело. Конечно, было еще светло – июнь все-таки, солнце не сядет раньше одиннадцати. Но лучи его были уже мягкими, нежаркими, отливали оранжево-розовым в окнах многоэтажек. Длинные белые многоподъездные дома словно грелись в остывающих солнечных лучах. Разнокалиберные автомобили, которыми был запружен проспект, то и дело сворачивали во дворы – добропорядочные семьянины возвращались домой с работы.

Скука.

– М-м? Почему он дома, а не в больнице, если ему совсем плохо? – повторила Ася и обернулась к отцу.

Тот ловко выкрутил руль, перестраиваясь в другой ряд, и посмотрел на нее поверх модных солнечных – очков.

– Потому что мамуля – твоя бабушка – считает, что если у него и есть шанс выжить, то только дома, в обществе любимой семьи. Спорное утверждение, конечно. Но твоя бабушка – упорная, как пионер-герой, и готова превратить собственную спальню в больничную палату, перетаскив половину персонала санатория к себе домой, если ей уж взбрело в голову, что это лучшая идея.

Ася задумчиво потерла пальцами царапину на коленке. Отросшая русая челка свесилась со лба прямо на глаза.

– Думаешь, он поправится? Дедушка?..

Отец дернул плечами, снова выкрутил руль, обругав походя какого-то подрезавшего его лихача.

– Откуда мне знать, я же не врач... Наш непревзойденный эскулап Новиков говорит, что шансов мало.

– Тебе его совсем не жаль? – хмуро спросила Ася, все так же разглядывая собственную коленку.

– Что? – вскинулся отец и провел растопыренной пятерней по темным волосам, топорщившимся на макушке.

Ася знала: он всегда так делает, когда говорит не то, что думает.

– Нет, что ты несешь! Конечно, мне его жаль, это же мой отец.

– Ой, да ладно! – хмыкнула Ася. – Я никому не скажу.

Отец снова обернулся к ней, уголки его длинного рта слегка дрогнули в усмешке:

– Аська, ты уже слишком взрослая, чтобы нести без разбору все, что в голову взбредет. Учти это, когда мы будем у деда, ладно?

– Ладно, – бросила Ася.

– И сядь нормально: впереди гаишник, – добавил отец, снова отворачиваясь к дороге.

Автомобиль свернул с проспекта в один из переулков и притормозил у аптеки.

Ася хорошо знала это место.

После развода родителей она осталась жить с матерью, но той по работе часто приходилось отбывать в длительные командировки. И тогда Ася отправлялась «погостить» к отцу. Отец же, работа которого была связана с разъездами по Москве, часто таскал ее за собой.

Почему бы ему было просто не оставить ее в своей квартире – Ася не понимала. Подозревала, что тому просто скучно колесить целый день туда-сюда в одиночестве и возит он ее за собой вместо радио, чтобы было с кем потрепаться по дороге.

В последние годы, после того, как прогорел очередной сверхгениальный изобретенный отцом бизнес, дед пристроил его по знакомству в главный офис большой сети московских аптек – заниматься поставками медицинских препаратов. По долгу новой службы отцу нужно было развозить по аптекам коробки с лекарствами, сверять накладные, отслеживать: имеется ли необходимое количество лекарств на складе.

Честно сказать, Ася удивлялась, как отец при своей безалаберности и несобранности умудрялся с этим управляться. Случалось, он срывался посреди ночи, вспомнив вдруг, что оставил где-то документы, или не распорядился, чтобы со склада отгрузили еще две коробки одноразовых шприцов, или попросту забыл одну из коробок в багажнике машины.

Да что там – ей самой, во время их совместных рейдов, временами случалось напоминать отцу о чем-то, что он забыл сделать, подбирать со стойки оставленные им бумаги, ключи или кошелек.

Правда, в конце концов, прощелкав все дедлайны и получив нагоняй от начальства, он все-таки вырливался из ситуации с успехом.

Ну, значит, таков уж был его стиль работы.

Отец заглушил мотор и обернулся к Асе:

– Посидишь минутку? Я сейчас.

Он вышел из машины и направился ко входу в аптеку.

Ася лениво наблюдала за ним, снова задрав колени к подбородку.

Отцу было уже тридцать восемь – по мнению пятнадцатилетней Аси, возраст не то чтобы преклонный, но уж точно не юношеский. Тем не менее Макс, как он предпочитал себя называть, умудрялся достаточно успешно косить под такого вечного подростка. Среднего роста, стройный и подвижный, с выбритыми висками и подчеркнуто небрежно топорщившимися на макушке длинными темными прядями, в искусно потертых джинсах, мягких замшевых мокасынах и с накрученным вокруг шеи, несмотря на жару, шарфом, – отец и в движениях отличался какой-то мальчишеской ловкостью, расслабленной ленивой грацией. Так что, в общем, было неудивительно, почему на него вечно западали девушки лет на десять младше.

Асю эта неистребимая юность отца раздражала почти так же сильно, как и его желание быть для нее приятелем, своим в доску парнем. Ей все время казалось, что все это его якобы понимание ее подростковых проблем – неискренне, наигранно и имеет целью втереться в доверие, выведать побольше, чтобы потом сдать с потрохами строгой мамочке.

Так было не всегда.

Ася порой сама удивлялась, почему весь мир, еще пару лет назад казавшийся простым и понятным, доброжелательным и интересным, однажды вдруг превратился для нее во вражескую территорию, на которой нужно держать ухо востро и не щелкать клювом.

Почему так происходит?

Почему еще вчера все было так просто и естественно, а потом ты вдруг словно снимаешь розовые очки и начинаешь видеть повсюду ложь, неискренность, ханжество и мещанство? Неужели к пятнадцати годам у человека отрастает наблюдательность? Ты вдруг начинаешь замечать, что мама, всегда внушавшая тебе: отца нужно уважать и слушаться, несмотря на их развод, в разговорах с подругой зовет его не иначе, как «этот ублюдок Воронцов»? Или она же, всегда внушавшая тебе всю эту добропорядочную бредятину про «умри, но не давай поцелуя без любви», начинает вдруг таскаться на свидания с омерзительным толстосумом Ломовым, у которого пальцы вечно жирные и лоснящиеся, словно он ковырялся ими в банке шпрот.

А мама говорит тебе с надрывом:

– Ты не понимаешь... Я так устала, я не ломовая лошадь, чтобы тянуть тебя одна. Я просто хочу немного стабильности, немного покоя.

Почему отец, вечно триндящий о том, как он понимает Асю и что для него нет ничего в жизни дороже дочери, вечно оставляет ее в машине – в духоте, по три часа любезничая в аптеке с фармацевтками, которые на него облизываются.

Зачем он вот сейчас тащит ее к деду? Ведь бабушка сказала, что он без сознания, умирает...

Господи, что, если он умрет прямо при них, прямо когда она будет с ним в комнате!

Она же немедленно, в одну секунду сойдет с ума от ужаса.

А отец об этом совершенно не думает, ему хочется только показать всей семейке, какой он положительный, примерный семьянин, заботливый отец. Чтобы его перестали, наконец, считать безнадежным придурком, вечно прощелкивающим все на свете.

Вот сейчас он явится туда и будет изображать безутешность, как будто и не флиртовал с гребаной аптекаршей еще час назад, нисколько не переживая за умирающего отца.

Как будто бы и не называл деда за глаза старым маразматиком.

А ей, Асе, дед всегда нравился.

Нравилось, как он сердито жует кончик папиросы – кто вообще сейчас курит папиросы, кроме ее деда? Как он называет ее стрекозой, быстро целует в висок, обдавая запахом табачища и какого-то древнего одеколона. Даже то, как он, разбушевавшись, сдвигает кустистые седые брови и орет на домашних, – нравилось. По крайней мере, это было честнее вечно благообразного притворства, которое выдавали остальные окружающие ее родственники.

А теперь он болен, наверно, через пару дней его не станет.

И это так страшно, что впору заорать что есть сил и убежать к черту на кулички. А придется еще делать понимающее лицо, выслушивать фальшивые причитания и «держаться молодцом».

Омерзительно!

И вся эта ложь, вся эта фальшь – повсюду.

Весь этот идиотский взрослый мир ею пропитан до самых корней.

Так всегда было, она просто раньше этого не замечала? Или все действительно испортилось, как только она повзрослела?

И эти уроды еще осмеливаются что-то ей внушать, воспитывать! На себя бы посмотрели, честное слово.

Неужели они думают, она и в самом деле хочет прожить свою единственную неповторимую жизнь так же, как и они? То есть попросту спустить ее в канализационную трубу, погрязнув в этом болоте вечной лжи, притворства и алчности?

Нет уж, не дождетесь!

* * *

Самолет оторвался от взлетной полосы и начал набирать высоту. Александра сняла туфли и вытянула вперед ноги. Она не успела переодеться, заехала домой лишь на минуту, побросала в чемодан минимум необходимых вещей – и сразу выехала в аэропорт. Строгий брючный костюм, в котором она утром выехала в офис, совсем не годился для длительного перелета, сидеть в узких брюках и пиджаке было крайне неудобно. Что ж, по крайней мере, хорошо, что она летит бизнес-классом и может вытянуть вперед ноги, не упираясь коленями в переднее сиденье, что при ее высоком росте уже было большой удачей.

Александра откинула голову на подлокотник и прикрыла глаза.

В гудящей после суматошного дня беготни голове словно бы спорили два голоса. Один, настроенный скептически, твердил, что все это – бред и абсурд. Мать всегда склонна была драматизировать события: к тому моменту, когда Александра доберется до дома, отец наверняка уже будет ходить и отчитывать жену за паникерство. Другой голос, тревожный, осторожно замечал, что отец и в самом деле может умереть. Он человек, он смертен, каким бы странным это ни казалось его ребенку.

И что тогда будет? Что будет с ней?

Они не слишком часто виделись с отцом, но не видеть его вообще, когда бы то ни было...

А что станет с матерью? Каково это – потерять человека, с которым ты прожила почти всю жизнь? Что чувствуешь, когда машинально, по привычке, наливаешь утром две кружки кофе и лишь затем вспоминаешь, что вторая теперь не нужна?

Ей, Александре, никогда этого не узнать.

К счастью.

Отец... Высокий и широкоплечий, с жесткими темными волосами, топорщившимися даже после самой короткой стрижки, властный и жесткий, но кристально честный человек, работоспособный до одержимости. Когда он шел по коридору вверенного ему санатория, санитарки бледнели и принимались заново драить и без того блестящие полы, зная, что любая халатность рискует обернуться грозой со стороны директора.

Подчиненные трепетали перед ним и в то же время считали огромной удачей получить место под его началом.

Потому что всем известно было: своему делу Воронцов предан фанатично, плохих сотрудников не держит, а за хороших стоит горой, прикрывая их, если нужно, от министерских интриг, выбивая премии и повышения. В девяностые, например, когда вся страна трещала по швам и рушилась на глазах, отцу удалось каким-то образом сохранить санаторий (на месте которого новоявленные олигархи уже готовились построить элитный развлекательный комплекс), частично перевести его на самоокупаемость и добиться такого уровня оказываемых медицинских услуг, что многие российские артисты и политики, ранее предпочитавшие получать медицинскую помощь в Штатах или в Израиле, теперь направлялись поправить здоровье именно к нему, в отремонтированные и оснащенные самым современным оборудованием корпуса в Серебряном Бору.

Алексей Михайлович Воронцов...

Александра была похожа на него. По крайней мере, так ей говорили с самого детства.

Раннее утро, морозные узоры на подсвеченных зимним солнцем окнах, голосащее в кухне радио, колющее коричневое школьное форменное платье и «крылышки» черного фартука, так и норовящие съехать по плечам вниз...

И мать, продираясь щеткой через ее спутанные жесткие каштановые волосы, вздыхает, округлив пухлые губы:

– Ох, как жаль, что Сашенька не унаследовала мои волосы. Чистый репейник! Вся в тебя, Алеша.

И маленькая Саша, задрав подбородок, смотрит в зеркало и видит мать – очень красивую, всю мягкую и плавную, с покатыми плечами, подчеркнутыми серебристым шелком халата, с умелыми, нежными, всегда пахнущими кремом руками, с пышной золотисто-пшеничной короной чуть выющихся волос на голове. И себя – унылого галчонка с круглыми, вечно какими-то испуганными настороженными темными глазами, маленьким треугольным ртом и жесткими темными волосами, торчащими во все стороны, которые мать – безуспешно пытается пригладить.

«Мама красивая, – думает она, чуть жмурясь от боли, когда жесткая щетка снова и снова вгрызается в ее волосы. – А я... Я похожа на папу».

«Ты у меня умница! У тебя такая светлая голова! Тебе нужно учиться, заниматься делом, а это все – тряпки, побрякушки – оставь маме», – говорил отец, подразумевая, что красавицей – всего лишь красавицей – в семье была мать. Ей же, Саше, досталось кое-что куда более полезное, по его мнению, чем женственность и красота: острый ум, работоспособность, фанатичная преданность своему делу. На этом ей, по мнению отца, и следовало сосредоточить свое внимание, а не терзаться пустыми попытками превратить себя в томную красавицу – под стать матери. Мать же была явно попросту разочарована «неудачной» внешностью дочери и вскоре вовсе оставила попытки превратить долговязое существо с тощими, по-журавлиному длинными ногами в миленькую девочку в голубых бантах.

Через много лет, когда родилась сестра Вероника, как раз таки унаследовавшая пшеничные мягкие локоны и голубые глаза матери, Лидия Сергеевна обрушила все свое нерастраченное желание наряжать, украшать и заплетать на нее...

Теперь, после многих лет жизни за границей, отдельно от родителей, после многочасовых сеансов у психотерапевта, которые покрывала, к счастью, ее рабочая страховка, Александра не могла бы сказать, что ее детство было каким-то уж выдающимся несчастливym.

Нормальное детство среднестатистического советского ребенка.

Даже, пожалуй, выше среднего.

Ведь далеко не у каждого советского ребенка отец был главврачом, а затем – и директором крупного санатория, расположенного в Серебряном Бору. Не каждый советский ребенок жил вместе с родителями в том же Серебряном Бору, в большом светлом деревянном доме, выстроенном когда-то еще дедом, возглавлявшим санаторий до самой пенсии – только тогда он уступил место своему ставленнику и зятю в одном – лице.

Не каждого ребенка привозила и увозила из школы белая «Волга».

А что касается всего остального...

Что ж, Александра могла признаться, в детстве она немного завидовала школьной подружке Динке Романовой, отец которой вечерами бывал дома и увлеченно строил вместе с ними железную дорогу из щепочек и мотка проволоки. Представить себе ее собственного отца находящимся дома раньше девяти вечера, а уж тем более – лежащим животом на ковре и, сосредоточенно нахмурившись, прилаживавшим друг к другу детали хлипкой конструкции было практически невероятно!

Впрочем, игрушечная железная дорога у нее была – настоящая, немецкая, с миниатюрными рельсами, вагончиками, станциями и мостами.

Только вот играть в нее было решительно не с кем...

Нет, изредка отец, кажется, вспоминал, что жизнь его не ограничивается санаторием, и пытался уделять внимание семье.

Но оканчивалось это каждый раз провалом.

Резкий, жесткий, несдержанный, откровенный до обидного, отец, кажется, просто не умел расслабляться и позволять себе развлечения. Поход в парк аттракционов каждый раз заканчивался тем, что он начинал маяться от безделья, раздражаться, отчитывать Сашу за легкомыслие и желание крутиться на каруселях, в то время как дома осталось еще невыученное домашнее задание. И Саша и в самом деле начинала чувствовать себя никчемной бездельницей...

Мать всякий раз, когда норов отца прорывался наружу, начинала поджимать губы, подносить к краешкам глаз аккуратный отглаженный платочек и говорить глубоким, подрагивающим от сдерживаемых слез грудным голосом:

– Ах, Саша, зачем ты только уговорила отца пойти с нами в парк... Он так занят, так устает на работе. Ты же знаешь, как его это раздражает! А достается всегда мне...

И к осознанию собственной никчемности подключалось еще и чувство вины перед матерью.

В конце концов Саша окончательно поняла, что гораздо лучше, когда родители попросту тебя не замечают, погружившись в собственные дела, чем когда они честно пытаются проявлять внимание и разделять твои интересы.

Впрочем, с другой стороны, отец всегда гордился ее успехами и, расписываясь в дневнике за неизменно отличное окончание учебного года, смотрел тепло и с гордостью и быстро целовал дочь в макушку.

А когда она в семнадцать лет вдруг проявила характер и категорически заявила отцу, что поступать будет не в медицинский, а в МГУ, на юридический, отец, разумеется, рвал и метал, гремел проклятиями на весь дом, стучал кулаком по столу, но в темных глазах его Саша видела невольное восхищение ее внезапно проснувшейся целеустремленностью и непреклонностью.

Мать после этого неделю еще пила остро вонявшие на весь дом сердечные капли и влажно вздыхала:

– Эта мерзавка своим упрямством едва не довела отца до сердечного приступа!..

Потом были студенческие годы.

Учеба, учеба, учеба. Лекции, конспекты, экзамены.

Однокурсники в целом относились к ней ровно. Ну, как же – Саша Воронцова, синий чулок и всезнайка, у которой всегда можно стрелкнуть конспект или списать на контрольной! И ей не приходило в голову опровергать такое мнение о себе. Александра давно смирилась с мыслью, что женское глупое кокетство, свидания и романтические прогулки – это все не про нее. Ей некогда да и незачем этим интересоваться. Она некрасива и неинтересна: скрутить непослушные темные волосы на затылке тугой аптечной резинкой, чтоб не мешались, наглухо застегнуть клетчатую мальчишескую рубашку – и зубрить до потери сознания гражданское право.

Если вдруг кто-то из однокурсниц случайно говорил, что, мол, завидует Сашкиной стройной фигуре, или отмечал проходя, что черты лица у нее – резкие, холодные и горделивые, как у Марлен Дитрих, если бы только Дитрих была брюнеткой, Александра пропускала это мимо ушей.

Так было до тех пор, пока не случилось...

Нет, об этом она вспоминать сейчас не будет.

Случилось то, что случилось.

Ерунда, глупость, неопытность. Проклятая женская сущность проснулась не к месту и не ко времени, а Саша, обескураженная этим неожиданным пробуждением, совершенно растерялась на время и чуть не натворила глупостей...

Она тогда заканчивала институт, и впереди маячила возможность завершить образование в Америке. Небывалая удача, еще пять лет назад казавшаяся чем-то из области сказок, а теперь, в начале девяностых, ставшая все еще удивительной, невообразимой, но реальностью.

Она чуть было не упустила ее тогда, как последняя дура.

По счастью, она давно перестала сомневаться в правильности своего тогдашнего выбора.

Разумеется, она все сделала правильно, и ее карьера только подтверждает это.

Конечно, в первое время приходилось тяжело – снова учеба, теперь уже на чужом языке, в чужой стране. Затем – работа иногда по четырнадцать часов в день, чтобы удержаться, чтобы доказать всем, кто считал ее чужой, эмигранткой, вторым сортом, что она может не хуже, чем они, коренное население благословенной Америки, а даже лучше!

И она доказывала – каждый день, каждую минуту, – добивалась, поднималась по ступенькам карьерной лестницы, иногда едва не грохаясь в обморок от усталости, зеленея от недосыпа.

И доказала, и смогла.

Пять лет назад она стала партнером в крупнейшей адвокатской фирме в Чикаго. У нее собственная, до неприличия огромная квартира, вылизанная услужливой домработницей до стерильной чистоты – впрочем, особенно стараться ей не приходится, ведь Александра так мало времени проводит дома, что просто не успевает, при всем желании, что-то испачкать.

Теперь уже никто не осмеливается смотреть на нее снисходительно, к ее мнению прислушиваются, у нее просят совета, а ее зарплата исчисляется пятизначными цифрами...

Подумать только, что от всего этого она едва не отказалась тогда!

Кем бы она была сейчас?

Смешно даже представить.

Она – уверенная в себе, самостоятельная, независимая бизнесвумен. Воплощенная американская мечта. Двигается вперед – и берет, что хочет, не раздумывая, не отравляя свое существование бесполезными рефлексиями и переживаниями.

Мужчины? Ну, разумеется, она же вполне здоровая женщина со здоровыми желаниями. Да, у нее было несколько романов, ни к чему не обязывающих, не мешающих работе. Идеальные отношения двоих взрослых людей, ценящих свою свободу и свое время.

Сантименты – это не для нее. У нее нет на них ни времени, ни желания. К счастью, ей всякий раз удавалось достаточно доходчиво объяснить это потенциальным соискателям ее расположения в самом начале отношений. Ни разу больше она не позволила себе потерять голову – как тогда, во время этой постыдной истории, о которой она предпочитает не вспоминать.

И сейчас не будет.

Это всего лишь разыгравшаяся от неизбежной встречи с родиной нервозность.

Нужно было принять валиум перед полетом.

Самолет уже шел на посадку.

Обернувшись к иллюминатору, Александра рассмотрела сквозь стекло серую, испещренную отметками, нанесенными белой краской, гладь взлетного поля. Вдалеке, за границами аэропорта, виднелась скудная запыленная зелень подмосковного лета. А впереди маячили бетонно-стеклянные коробки терминалов аэропорта.

Еще несколько минут – и шасси коснется посадочной полосы.

Затем паспортный контроль, багаж, такси...

Осталось совсем немного – и она вновь увидит старый родительский дом.

Добротный деревянный дом, выкрашенный светло-голубой краской, застекленную террасу, в мелких стеклах которой пляшут и подмигивают солнечные зайчики, круглый балкон в торце второго этажа, с которого так весело было когда-то пускать мыльные пузыри, возя размокшим концом трубочки из газетного листа по куску мыла...

Две сосны, уходящие верхушками в небо, лохматые пионы – материнское увлечение, – наполняющие весь двор глубоким приторным запахом, старые полусгнившие качели в кустах смородины...

Ерунда! Чушь!

У нее нет времени на ностальгические переживания.

Александра нахмурилась и сцепила пальцы в замок. Что ж, она будет надеяться, что эта поездка не займет много времени. Что отец за день-два придет в себя, состояние стабилизируется, и она сможет улететь отсюда.

Домой.

* * *

Отец все не возвращался.

Ася покрутилась на сиденье, вытащила из бардачка отцовские сигареты, закурила, поглядывая на выход из аптеки.

Не то что отец стал бы пилить ее за курение... Скорее, наоборот, – он же так гордится своей продвинутой. Именно поэтому ей и не хотелось курить при нем. Незачем добавлять еще одну деталь в эту нарисованную им идиллическую картинку – «мы с дочкой закадычные кореша».

Ася докурила, выбросила окурок из окна, еще немного поглазела по сторонам. Затем протянула руку назад, нащупала кожаный рюкзачок и вытащила из него смартфон. Перевернувшись на сиденье, выставила из окна босые ступни с выкрашенными ярко-зеленым лаком ногтями, сфотографировала телефоном собственные торчащие из окна ноги на фоне вывески аптеки и запостила фотографию в инстаграм, подписав: «День. Улица. Фонарь. Аптека».

Нет, это, в конце концов, уже просто хамство!

Сколько она может здесь сидеть в ожидании? Может, отец попросту забыл о ней? Может, он уже там развлекается с этой своей очередной пассией где-нибудь в подсобке?..

Ася сунула ноги в сандалии и вышла из машины.

Если Макс о ней забыл – что ж, она напомнит! Пусть пеняет на себя, если она обломает ему весь кайф...

Она прошла мимо застекленных аптечных витрин, из которых счастливо скалилось идеальное блондинистое семейство, рекламируя почему-то таблетки от запора. Остановилась на секунду, чтобы оценить мелькнувшее в витрине собственное нечеткое отражение.

Из-за стекла на нее взирала хмурая девчонка в джинсовых шортах. Модная стрижка успела довольно сильно отрасти – светло-русые, выстриженные лестницами пряди спускались вокруг лица вниз, к шее, косая челка, если не откидывать ее назад, так и норовила закрыть собой левый глаз. Светло-зеленые глаза казались в пыльной витрине темнее, какими-то более драматичными, что ли...

Ася щелкнула собственного стеклянного двойника по вздернутому носу, прошла дальше и потянула на себя тяжелую дверь.

В помещении аптеки царила кондиционированная прохлада, пахло анисовой микстурой от кашля – та еще дрянь, Асю, с ее вечными бронхитами, постоянно пичкали ею в детстве.

По стенам в застекленных шкафчиках выстроились нарядные яркие упаковки, пузырьки и тюбики. Та самая фармацевтша, за которой, как Ася знала, приударял отец, как ни странно, одиноко скучала за стойкой. На ее красно-рыжих завитых мелким бесом волосах топорщилась

синяя медицинская шапочка. Губы, пухлые, бледные и влажно-блестящие, похожи были на два только что выловленных из кастрюли вареника.

– Привет! – кивнула ей Ася. – А где отец?

– «Здравствуйте» вообще-то, – процедила фармацевтша, а затем указала кивком головы на дверь, ведущую в помещения для персонала. – С директором разговаривает. Чё-то там по документам не сходится. Ща будет, наверно.

Отец и в самом деле появился через минуту. За ним выкатился какой-то здоровенный плечистый мужик в наброшенном поверх буквально трещавшей на мощной груди футболки зеленом халате. Наверно, это и был директор аптеки.

Ася изумленно уставилась на него, подняв брови.

До сих пор ей казалось, что директора аптек – такие сухонькие старички с козлиными бородками и крючковатыми носами. А этот выглядел прямо как бодибилдер, зачем-то сбежавший с подиума и натянувший на себя зеленую хламиду.

– Так мы поняли друг друга, Максим, – напирал на отца этот гамадрил. – Недостача очень крупная, счета расходятся на семьсот тысяч. Вы тянете время уже почти месяц...

– Олег, да я все отлично понял, – растягивал губы в улыбке отец.

С первого взгляда видно было, что эта гора мышц чего-то требует от отца, наступает угрожающе. Он же, прекрасно осознавая какой-то имеющийся за ним косяк, юлит и изворачивается, пряча раздражение и нервозность за фальшивым весельем.

– Вы, может, думаете, я слышу плохо? А, понимаю: хотите мне новейший слуховой аппарат впарить, – натянуто веселился отец. – Все будет тип-топ, я же вам говорил. У меня сохранились все накладные, я завезу на днях. Просто до сих пор не было случая. И мы с вами уладим это маленькое недоразумение.

– Послезавтра, – веско произнес Олег, словно выплюнул это слово, почти не разжимая губ. – Послезавтра – крайний срок. Иначе...

– Я понял, понял, – отец вскинул ладони в при-мирительном жесте. – Честное слово, у меня все в порядке со слухом. Хотя ваши слуховые аппараты, ко-нечно...

Олег, не дослушав его вымученно-непринужденную болтовню, развернулся и скрылся за дверью.

Отец едва заметно перевел дыхание и обернулся к фармацевтше:

– Женечка, рыба моя, прости меня, грешного, нужно бежать. Сама видишь, ребенок заждался, – он кивнул на стоявшую в стороне Асю. – И твое начальство не в духе сегодня.

Женечка, при появлении отца выпрямившаяся и занявшая боевую стойку, капризно скривила губы и протянула:

– Тогда послезавтра, да? Когда накладные завезешь?

– Точно! Послезавтра! – отец отсалютовал ей ладонью и, подхватив Асю под локоть, увлек ее на улицу.

– Чего он к тебе прикопался? – спросила Ася, подходя к машине.

– А, забей, – отмахнулся отец. – Все фигня, кроме пчел.

Он взъерошил ей волосы на макушке, и Ася, прикусив губу, отстранилась и пригладила их обратно.

– Ну, все, теперь за драгоценной сестрой – и в Серебряный Бор, – заключил отец и уселся за руль.

В квартиру Вероники Ася поднялась вместе с отцом.

Хватит с нее, пожалуй, бдения в машине. Он опять там зависнет черт-те на сколько, а она будет загибаться от духоты?

Нет уж...

Дверь открыл Ивар, двоюродный брат Аси – двенадцатилетний оболтус, долговязый и бледный, с вечно облупленным, обгоравшим даже на мягком подмосковном солнце коротким носом и шапкой светлых, почти до белизны, прямых волос.

Вероника как будто задалась целью нарожать как можно более непохожих друг на друга детей, собрав все краски мира в отдельно взятой семье. Если старший ее сын был рожден от какого-то прибалта, которого, по слухам, дед Алексей однажды спустил с лестницы, то младший, Камиль, унаследовал от так же испарившегося в голубых далах узбекского папаши высокие скулы, хищные рысьи глаза и смоляной чуб.

Ивар оглядел стоявших на пороге Асю и Макса равнодушным взглядом – и открыл дверь пошире, пропуская их в прихожую. Выглянувший из-за его спины восьмилетний Камиль зыркнул темными глазами, бросил Асе:

– Здорово, дебилка! – и, гогоча, унесся прочь по коридору, увернувшись от справедливого подзатыль-ника.

– Макс, это ты? – крикнула откуда-то из ванной Вероника. – Я сейчас.

Она и в самом деле вскоре появилась, распространяя вокруг себя приторное цветочное благоухание.

Веронике было тридцать два, и она, единственная из всего старшего поколения семьи, не казалась Асе безнадежно древней.

Вероника пошла в бабку – вся такая же красивая и мягкая, как большая пушистая кошка. Только у бабки Лиды глаза были цепкими и пристальными, как у настоящей кошки, а в Вероникиных очах плескалось какое-то веселое безумие.

Сейчас она объявилась в коридоре, наряженная в короткое платье дикой леопардовой расцветки, встряхнула светлыми локонами и сунула ноги в босоножки на высоченной платформе.

Затем обернулась и позвала:

– Ивар! Камиль! Вы там собрались, наконец? Поехали!

– Ты что, и пацанов с собой тащишь? – уточнил отец.

– А куда же я их дену? – изумленно распахнула глаза Вероника.

– Оставила бы с этим твоим... как там его? Бекханом?

– Ой, он же дома почти не бывает, – отмахнулась Вероника. – Они тут спалют квартиру без присмотра. Ну его на фиг.

– Как вас всех в машину-то поместить? – нахмурился Максим. – Я не понял, кстати, чего бы тебе на своей не поехать? Ну, той, что папеч тебе подарил два года назад.

Вероника смущенно потупилась и пожала леопардовыми плечами. А снова появившийся в коридоре Камиль радостно объявил:

– А она ее продала!

– Это зачем? – удивился Макс.

– Ну, зачем, зачем, – недовольно отозвалась Вероника. – Значит, надо было...

И тут же, не утерпев, поделилась:

– Мы с Бекханом хинкальную хотим открыть. У него здесь, в Москве, земляк, тоже из Шалажи, в долю хочет войти. Знаешь, я попробовала заняться дизайном помещения, сама эскизы нарисовала – у меня так классно получается! Бэка уже договорился, где помещение арендовать...

– Погоди, погоди, – остановил поток ее излияний Максим. – То есть ты продала машину, а деньги ему отдала? На открытие хинкальной? Господи, Ника, какая ж ты все-таки феерическая. И ведь не меняешься с годами! Оплот постоянства в этом изменчивом мире.

– Да пошел ты, – обиделась Вероника. – Все вы никогда в меня не верили. А я, между прочим...

– У тебя хоть какие-то деньги дома остались? – снова перебил ее Макс. – Советую не оставлять их тут, под присмотром Бекхана, а забрать с собой. Так, на всякий случай.

– Что ты несешь! – укоризненно бросила Вероника.

Но затем, подумав, все же вернулась в комнату, погромыхала там какими-то выдвижными ящиками и вернулась, запихивая в сумку не слишком впечатляющую пачку купюр.

Все вместе они вышли на лестничную площадку.

Пока Вероника запирала дверь, оба мальчишки взгромоздились на перила, оседлали их, уцепившись руками и ногами, и с гиканьем понеслись вниз.

– Ивка! Камка! Шеи сломаете! – запоздало закричала вслед Вероника и, не дождавшись ответа, вздохнула: – Вот придурки!

Уже в лифте она наконец спросила у Максима:

– Ну, что там? Мама не звонила?

– Звонила, – кивнул Макс. – Все по-прежнему. В себя не приходил.

– Господи, бедный папа! – всхлипнула Вероника и по-детски вытерла нос тыльной стороной ладони.

И Асе почему-то показалось, что это – единственное откровенное проявление чувств, которое ее родня продемонстрировала за весь этот суматошный день.

Отец же, покосившись на сестру, хмыкнул:

– Бога ради, Никыч, не разводи сырость! Поехали! Разберемся на месте.

2

В комнате на первом этаже, где поместили Алексея Михайловича, чтобы не поднимать его на второй, в родительскую спальню, стоял тяжелый больничный запах, смешивавшийся с тянувшимся из окна приторным благоуханием пионов.

Александра тихо сидела на табурете, придвинутом к постели.

В изголовье кровати мигали какие-то датчики, на специальной стойке подвешена капельница. Матери удалось переоборудовать бывшую гостевую спальню в настоящую больничную палату. Александра не очень понимала – зачем это было нужно. Почему было не оставить отца в больнице, где ему обеспечили бы уход? Но мать уверенно утверждала: «Здесь, с нами, ему будет лучше. Мы соберемся все вместе, и отец скорее придет в себя».

У Александры же мелькала непочтительная мысль, что тут, дома, матери просто легче будет продемонстрировать всем свой тихий подвиг преданной долготерпеливой заботливой жены.

Глаза отца были закрыты, седая голова казалась на подушке до странности маленькой. Отец всегда производил впечатление крупного, могучего человека, а сейчас, лежа в постели без сознания, выглядел каким-то миниатюрным и хрупким.

«Неужели представление о человеке складывается не столько из его физических данных, сколько из некой внутренней силы и энергии, которую он в себе заключает? – думала Александра. – Отец без сознания – и все это внутреннее сейчас ушло, не прочитывается, а потому и само тело кажется каким-то усохшим, слабым и хрупким?»

Особенно странным казалось видеть отца в этой комнате, отделанной по материнскому вкусу. На стенах – обои с цветочным рисунком, выполненным в мягких пастельных тонах, на изголовье кровати – резьба, какие-то листочки и завитушки. Постельное белье в васильках...

Все это совершенно не сочеталось с отцом, всегда предпочитавшим стерильную белостальную простоту и функциональность – как в операционной.

Медсестра из санатория, делавшая отцу уколы и отслеживавшая его состояние, недавно ушла, и в комнате было тихо.

Только из-за окна временами доносились вопли Вероникиных мальчишек, пользовавшихся растерянностью взрослых и под шумок крушивших сад Лидии Сергеевны.

Александра протянула руку и дотронулась до пальцев отца. Ладонь была холодной и бледной...

Она зажмурилась, на мгновение представив себе, что вот сейчас отец отдернет руку и гаркнет, как обычно, своим властным раскатистым голосом:

– Александра, отставить панику! Что вы все тут собрались? Заняться нечем? Хоронить меня приехали? Как же, не дождетесь!

Но ничего не произошло.

Отец все так же не шевелился, не открывал глаз...

Дверь за спиной тихо скрипнула.

Александра не обернулась. Но по напрягшимся вдруг плечам, по мурашкам, побежавшим по ее шее, вниз, вдоль позвоночника, сразу поняла, кто вошел в комнату.

Андрей Новиков.

Сын бывшей однокурсницы Алексея Михайловича. Его ставленник и правая рука.

В свое время, убедившись, что никто из его троих отпрысков так и не выбрал медицину в качестве призвания, Воронцов перенес все чаяния и надежды на Андрея, увидев в нем некоего духовного наследника всех его идей и начинаний. Макс до сих пор бесится, что отец, при живом-то единокровном сыне, выбрал в ставленники этого постороннего человека.

Зачем он здесь сейчас? Ах да, он же теперь главврач санатория. Значит, и своего босса наверняка лечит тоже он...

Андрей коротко посмотрел на Александру, кивнул ей и сразу направился к Алексею Михайловичу. Склонился над ним, оттянул веко, проверяя реакцию зрачков. Пролистнул оставленные на столе медсестрой записи.

Александра молча следила за его отточенными, выверенными, профессиональными движениями.

Он изменился с тех пор, как она видела его в последний раз.

Постарел, конечно. Волосы коротко острижены, в когда-то пшеничных прядях щедро рассыпалась седина. Раньше, тысячу лет назад, его светлый чуб так и норовил свеситься на лоб – Андрей смешно морщился и раздраженно откидывал его назад резким движением. А руки у него по-прежнему крепкие, умелые – чуткие пальцы врача. Чувствовать их на собственной коже – было...

Впрочем, нет, этого она не помнит. И к лучшему.

Все эти годы во время кратких визитов к родителям она старалась по возможности избегать Андрея. Конечно, совсем не пересекаться с ним было невозможно – все-таки он был правой рукой отца, а тот не отвлекался от работы ни на миг, даже дома, даже в редкие наезды старшей дочери. Но Александре удавалось ограничить их общение дежурными: «Привет. Хорошо выглядишь. Ты тоже в порядке. Как жизнь? Отлично. Ну и превосходно».

Двадцать лет бессмысленных «как дела?» от человека, когда-то сломавшего ее пополам, выпотрошившего до основания...

Господи, о чем это она? Неужели впадает в мелодраматизм, поддавшись тяжелой домашней атмосфере?

Все нормально. Все в порядке.

Что-то когда-то было – в незапамятные времена, которые никто уже и не вспомнит. Они взрослые люди. Все хорошо.

– Ну, как он? – наконец спросила она.

Андрей обернулся к ней.

Спокойное, ничем особенно не примечательное лицо. Широкие светлые брови, прямой нос, тонкие губы. Только глаза удивительно синие, чистые. Так сразу и не подумаешь, что...

Впрочем, ладно.

Он коротко качнул головой, сжав губы.

И Александра поняла, что ничего обнадеживающего о состоянии Алексея Михайловича Андрей сказать не может. Господи, неужели отец умрет? Неужели он может умереть в любую минуту?!

– Ты давно приехала? – вполголоса спросил Новиков.

– Сегодня, – ответила она, кашлянув, чтобы прочистить пересохшее вдруг горло.

– Надолго?

– Нет, – резко качнула головой она. – У меня очень много работы. Я едва вырвалась. Приехала только потому, что отец...

– Да, – кивнул он. – Ясно. Конечно...

Андрей потупился, а потом снова поднял на нее взгляд.

До чего же все-таки синие у него глаза! Из уголков едва заметными лучиками расходились мелкие морщинки.

Из-под накинутого белого халата виднелась рубашка в мелкую серо-голубую клетку. Он казался таким надежным, открытым и искренним, добрый доктор Новиков. Как жаль, что у Александры остались о нем несколько иные воспоминания.

– Может быть... – нерешительно начал Андрей, – ты хочешь наведаться в санаторий? Я мог бы тебе показать, как все изменилось за последние годы. В любое время, если захо-

чешь... Я сейчас живу на территории санатория, в корпусе для персонала. Мне там выделили квартиру...

– А что же стало с той квартирой... кажется, на Остоженке, да? Где ты жил раньше?

– Я оставил ее жене после развода, – коротко объяснил Андрей.

– Оу, развод...

Внутри как-то странно кольнуло. Некое мстительное удовлетворение – гляди-ка, и у тебя с семейной жизнью не сложилось.

Или что-то иное? Более смутное и глубокое?

– Я не знала, извини...

– Все нормально, – пожал плечами он. – Откуда ты могла знать? Так как насчет экскурсии по санаторию?

Александра поняла, что ей слишком хочется согласиться.

После всех этих лет, когда ей удавалось избегать Андрея, практически не вспоминать о нем, именно сейчас, когда отец лежал при смерти, а мать беспомощно причитала, очень хотелось укрыться от всего этого и от собственного муторного страха в тепле его синих глаз...

Именно поэтому Александра резко встала с табурета, бросила:

– Извини, у меня назначено на восемь совещание по скайпу.

И вышла из комнаты.

В гостиной собралась вся семья.

На светлых, обшитых деревянными панелями стенах комнаты были развешаны многочисленные фотографии в рамках – от старинных, черно-белых, с пожелтевшими краями и полустершимися, едва различимыми лицами, – до современных, распечатанных с компьютера, бивших в глаза неестественно яркими цветами. Вот отец Лидии Сергеевны, профессор Микулин, в полотняном костюме и соломенной шляпе, по моде тридцатых годов, стоит на пороге только что открытого санатория, где он назначен директором. За его спиной высятся белые колонны – когда-то в этом здании располагалась дворянская усадьба, а теперь в нем будут восстанавливаться после травм рабочие и крестьяне. Вид у профессора довольный и гордый – еще бы: очередное завоевание советской науки, направленной на улучшение качества жизни трудящихся! На другой фотографии жена профессора сидит на крыльце только что выстроенного деревянного дома, держа на коленях белокурую девочку – будущую хозяйку этого дома, Лидию Сергеевну Воронцову. Чуть ниже посматривает из полированной рамки молодой Алексей Михайлович, студент мединститута, в карикатурно клешенных брюках и с лохматыми бакенбардами. А рядом с ним, трогательно прислонившись к плечу жениха, нежно улыбается Лидия Сергеевна, похожая на юную Брижит Бардо. Противоположная стена отдана под новейшую историю: маленький Макс с игрушечным металлическим грузовиком, девятнадцатилетняя Вероника – профессиональный снимок периода недолгой модельной карьеры Ники. Александра нашла глазами и себя – высокую худую девочку в коричневом форменном платье с излишне строгими, даже хмурыми глазами. Задержав взгляд на снимке, она едва заметно пожалала плечами: надо же, выходит, не такой уж страшненькой она была в школьные годы. Вполне миловидная девочка, стоило ли так комплексовать?..

В комнате царила так тщательно всегда поддерживаемая матерью чистота. Взглянув на расстеленный у камина мягкий ворсистый ковер, Александра вспомнила, как когда-то им, детям, доставалось за рассыпанные по нему крошки. Ей, старшей, вручался пылесос, Нике – влажная тряпка, и только Макс всякий раз умудрялся удрать от уборки, выскочив в окно. Мать ругалась, грозила ему пальцем через стекло, не в силах сдержать обожающей улыбки, а затем оборачивалась к дочерям:

– Опять сбежал, паршивец, ну что с него взять, мальчишка. А вы у меня, девочки, будущие хозяйки, так что – за работу. И смотрите мне, чтобы ниточка к ниточке, листочек к листочку!

Качество проделанной уборки мать придирчиво проверяла – и не дай бог было пропустить где-то полоску пыли...

Комната и сейчас поражала чистотой.

В доме приятно пахло свежей выпечкой. Лидия Сергеевна, выйдя из кухни, поставила на столик блюдо с румяными плюшками с корицей. С годами мать сильно располнела, но не утратила женственности фигуры, просто раздалась в формах. Всегда аккуратная, она и сейчас одета была в мягкие домашние брюки и трикотажную темную блузку. Блестящие серебром волосы были подняты наверх и заколоты на затылке плавными волнами. Лицо почти без морщин – за счет полноты, кожа гладкая, лишь при ближайшем рассмотрении выдававшая истинный возраст: Лидия Сергеевна была похожа на старую фотографию за стеклом, трещинки на которой становятся заметны, только если подойти вплотную.

– Ох, – вздохнула она, расставляя на столе чайные чашки. – Едва на ногах стою, так устала. С обедом промучилась, еще плюшки...

– Мам, ну зачем ты напрягалась? – спросила Александра. – Могли бы заказать что-нибудь на дом...

– Чтобы мои дети в родном доме питались готовой едой? – оскорбленно поджала губы мать. – Да никогда! Может быть, это у вас в Америке так принято, но здесь...

– Я все равно ничего не буду, я на диете, – неуверенно произнесла Вероника, жадно пожирая плюшки глазами.

– А я буду! – заявил Макс, стащив с блюда сразу две поджаристые булочки.

– Кушай, сынок, я же знаю, как ты их любишь. – Мать притянула к себе голову Макса, расположившегося на подлокотнике кресла, и поцеловала его в волосы. Затем подняла взгляд на старшую дочь: – Новиков осмотрел папу?

– Осматривает, – кивнула Александра.

– Не мог раньше приехать, – проворчала мать. – Отец столько для него сделал, а теперь остается на целый день, можно сказать, без медицинской помощи! Нет, я все понимаю, конечно, он не обязан, – добавила она кротко. – Но все-таки чисто по-человечески...

– Мамик, «чисто по-человечески» сейчас не модно, – отозвался Макс. – Нужно, наоборот, побыстрее подсушиться, чтобы освобождающееся место занять, а то более ушлые опередят. Этого нам с тобой не понять, мы в этом мире практически вырожденцы...

Ася, листавшая в кресле напротив какую-то книгу из семейной библиотеки, покосившись на отца, довольно громко фыркнула, но ничего не сказала.

– Мне нужно идти, у меня совещание по скайпу, – произнесла Александра.

– Совещание по скайпу, еда по заказу, – фыркнул Максим. – Секс по Интернету? Новые технологии рулят, а, сестричка?

Александра не успела ответить, потому что в эту минуту в саду что-то грохнуло, взорвалось, и в дом пополз едкий дым.

– Боже, Ника, уйми своих сыновей, – страдальчески простонала мать. – Я больше не могу!

– Что же я с ними сделаю? – растерянно протянула Вероника. – Ты же сама хотела, чтобы собралась вся семья.

Александра, не дослушав разговора, вышла из – комнаты.

* * *

В комнату к деду Ася заходить не стала.

Заглянула на минуту через отцовское плечо – и вынырнула обратно в коридор.

Было слишком страшно увидеть его, неподвижного, увешанного какими-то трубками и приборами...

Поселили ее в одной комнате с теткой Александрой. Асе она не слишком-то нравилась – слишком сухая и унылая. Пару лет назад они с отцом гостили у нее в Чикаго, и тетка возила ее в Диснейленд и вообще всячески развлекала. Правда, делала это как-то натянуто, как будто вычитала где-то, как нужно вести себя с подростками, и старалась теперь строго следовать описанным правилам.

Ну, да и ладно, спасибо еще, что бабушка не за-ставила ее спать в одной комнате с двоюродными братьями!

Они бы точно ночью подожгли ей волосы...

Александра тут же оккупировала комнату, врубив скайп и затараторив с коллегами по-английски. Ася попыталась было что-то спросить, но тетка обернулась к ней и приложила палец к губам, прося не мешать. Асиного английского хватило на то, чтобы понять: Александра обещает своим коллегам вернуться так быстро, как это возможно.

– Максимум два-три дня, – заверяла она.

«Интересно, – подумала Ася, – что она станет делать, если за это время дед не умрет?»

На душе у нее было категорически паршиво...

Ася еще немного послонялась по дому. Наткнулась на Веронику, которая, забившись в угол террасы, воровато оглядываясь на дверь, говорила в те-лефон:

– А вы, собственно, кто? Милана? Жена? Подождите, но он мне сказал, что уже два года как в разводе... Я... – зажав динамик ладонью, она коротко всхлипнула и с силой прикусила губу. – Постойте, что вы от меня хотите? Я его не держу здесь, не держу! Если он не возвращается к вам...

Увидев Асю, она сделала страшные глаза и замахала на нее руками, прогоняя.

До ужина в доме царила непроходимая скука.

Баба Лида собрала всех за большим столом в гостиной, приволокла из кухни блюдо с запеченной свиной, походя бросив, что, мол, может быть, у некоторых там, в Америках, и не принято готовить дома, они же здесь по старинке...

Александра, пожав плечами, отозвалась:

– Я просто хотела, чтобы тебе было проще, мама. В любом случае я мясо есть не буду, я вегетарианка.

– Да ну? – хохотнул отец. – Это еще зачем? Продлевает молодость?

– А что ты смеешься, Макс, – возразила вдруг Вероника. – Мне, между прочим, тоже жалко бедных зверушек.

– В тебе, Ника, я и не сомневаюсь, – поддел ее отец. – Тебе наверняка и безвинно убиенный огурец жалко.

Ивар и Камиль чинно жевали предложенный им ужин, но Асе было видно, как под столом они остервенело пинают друг друга ногами...

Потом из комнаты, где лежал дед, появился Андрей Павлович Новиков, его лечащий врач, и баба Лида принялась уговаривать его:

– Андрюша, может быть, поужинаешь с нами? Ты ведь устал, уже поздно...

Она елейно улыбалась ему, пытаясь за локоть затянуть за стол.

У тетки Александры почему-то покраснела шея, а глаза ее так и уставились в тарелку, как будто на дне ее помещался некий секретный код, требовавший немедленной разгадки.

Но Новиков сдержанно отказался, отговорившись, что занят. Стоило ему уйти, как бабка тут же принялась ворчать себе под нос:

– Занят он, вот оно что! Интересно, чем же это он так занят? Интриги плетет, чтобы на Алешино место сесть?

– Мамик, а тебе не приходило в голову, что он, может быть, сам всю эту ситуацию с закрытием санатория спровоцировал? – как бы между прочим заметил отец.

– О чем ты говоришь, Максюша, конечно, приходило! – подхватила бабуля. – Наверняка успел уже подольститься к этому новому начальнику в Минздраве и сам же ему и напел: дескать, Воронцов уже старик, не выдерживает нагрузки, не понимает новых веяний в науке...

– А по-моему, вы все выдумываете, – влезла в разговор Вероника. – Андрей совсем не похож на предателя. У него глаза такие... честные!

– Ради бога, Ника, – усмехнулся Максим. – Вот уж кто знаток честных глаз, так это ты.

– А давайте у Сашки спросим, – не унималась Вероника. – Она же с ним когда-то встречалась. Саш, правда же?

Тетка Александра вытянула и без того идеально прямую спину и выглядела так, словно проглотила железный прут.

– Саш, ведь правда же, Андрей – честный человек?

– Я не могу судить объективно, – наконец выдавила из себя Александра. – У меня слишком мало данных для того, чтобы делать выводы.

– Неужели? – улыбнулась бабка Лида, как показалось Асе, с некоторой ядовитостью.

– Не понимаю, – протянула Вероника, – как это ты не можешь судить, когда ты...

– Ника, Александра ведь у нас юрист, – ерничал Максим. – Это тебе достаточно провести с мужчиной два часа, чтобы вверить ему свое сердце вместе со всеми сбережениями в придачу.

– Отвяжись, а? – огрызнулась Вероника. – Тебе бы я уж точно ничего не доверила.

– Прекратите немедленно, – всхлипнула баба Лида. – Как вы можете так себя вести, когда отец... отец в таком состоянии... у меня и без того нет никаких сил, а вы...

Максим тут же подскочил из-за стола и метнулся к матери, приговаривая какие-то ласковые увещания. Вероника обиженно моргала, глядя в тарелку. В кармане пиджака Александры в тысячный раз за этот день заиграл мобильный. Она, извинившись, вышла из-за стола и снова принялась дистанционно решать какие-то рабочие вопросы. Ивар, наконец, изловчившись, пнул Камиля так, что тот полетел со стула на пол, вереща и матеря брата на чем свет стоит.

– Что за выражения! – взвизгнула бабушка. – Как не стыдно! Пользуетесь тем, что дед не может вас приструнить. Ника, уйми их!

Ася решила, что пора сматываться с семейного ужина, пока дорогие родственники не перешли на вопросы ее воспитания.

Отец, кажется, хочет чего-то добиться от бабки, не зря он так вокруг нее вился плющом. Так что, если разговор зайдет о ней, Макс может внезапно переметнуться на сторону карающей общественности, чтобы не вызвать бабкиного недовольства. Дождаться этого она не собиралась.

– Спасибо, было очень вкусно, – пробормотала Ася сквозь зубы, поднимаясь из-за стола. И поспешила выйти из комнаты, пока кто-нибудь к ней не прицепился.

Захватив в прихожей рюкзак, Ася вышла из дома и решила отправиться побродить по окрестностям.

Добротные каменные ворота с вывеской «Реабилитационный центр “Владимирское”» находились рядом с домом, буквально в ста метрах.

«Если дед больше не будет директором санатория, если он... если все закончится плохо, – думала Ася, – новый директор наверняка захочет занять этот дом. Интересно, согласится ли бабка Лида продать его? Наверное, да. И кто станет покупателем? Этот самый доктор Новиков с усталым спокойным лицом? А вообще-то, какая, на хрен, разница?»

Ася пошла в противоположную от ворот сторону.

Вокруг тянулись вверх красноватые стволы сосен, наполняя воздух сладковатым смолистым запахом. Солнце уже зашло, но стемнело еще не до конца. Небо багрянными и фиолето-

выми полосами проглядывало между деревьев. Направо уходили улицы дачного поселка. Тянулись высокие заборы, из-за которых виднелись то новомодные кирпичные особняки, то старые, оставшиеся еще с былых времен дощатые дачные домики. Оттуда доносились голоса, приглушенная музыка. Тихо позванивая, проехал велосипед...

Ася повернула налево и пошла между сосен, чувствуя, как ступни сквозь сандалии покалывают старые сосновые иглы.

Она не очень представляла, для чего они с отцом приехали сюда и какого поведения от нее ожидает – родня.

Что теперь все они должны делать? Сидеть в доме и терпеливо ожидать, когда дед умрет? Но, черт возьми, это же так мучительно, мучительно. От собственной беспомощности хочется завывать. Если бы только ей сказали: пойди туда-то, сделай то-то – и деду станет лучше, она бы, не задумываясь, сделала это. Но торчать часами в вылизанных бабушкиных комнатах, слушая, как грызутся родственники, как причитает бабка Лида, и каждую минуту ждать, что из дедовской палаты раздастся пронзительный писк прибора, означающий, что сердце деда остановилось, было выше ее сил.

Она сбежала.

Ну и пусть!

Никто, наверно, и не заметит, что она исчезла...

Вскоре сосны кончились, и Ася вышла на высокий обрывистый берег реки. Пляж дачного поселка находился чуть ниже и левее, там оборудованы были мостки, раздевалки. В дощатом, разрисованном яркими красками сарайчике можно было взять напрокат лодку. А отсюда, с высокого места, ныряли лишь самые отчаянные. В детстве родители постоянно твердили ей, что прыгать здесь нельзя. Даже если повезет и не ударишься о воду, то внизу бьет холодный ключ, моментально сведет ногу – и утонешь.

Ася остановилась на самом обрыве, глядя вниз, на прохладно дышавшую в стущавшейся темноте реку.

На мгновение захотелось прямо сейчас стащить с себя одежду, разбежаться и сигануть в воду!

И будь что будет.

Она ощутила это желание так яростно, что несколько секунд почти не дышала, вглядываясь широко распахнутыми глазами в манящую бездну.

Позади раздался какой-то шум, треск сухой ветки под подошвой.

Ася вздрогнула – и отступила на шаг от обрыва, часто дыша.

Затем обернулась.

Чуть поодаль, опираясь плечом на ствол сосны, стоял какой-то парень и смотрел мимо нее на гаснущие в речной воде полосы заката.

Как это она не заметила его сразу?!

Хотя, понятно, конечно: в сумерках всегда все приобретает обманчивые очертания...

Асе стало неловко – парень, конечно, видел, как она зависла над обрывом. Еще, чего доброго, принял ее за юную суицидницу!

Свесив рюкзак на одно плечо, она нашарила смартфон, вытащила его и включила фотоаппарат. Вскинула руку вверх, ловя в видеоискатель закатное небо. Пусть думает, что она всего лишь хотела заинстаграмить красивый вид. Ася щелкнула кнопкой спуска, полюбовалась снимком и попыталась в самом деле запостить его в инстаграм. Но телефон проинформировал ее, что мобильный Интернет здесь отсутствует.

Ася обернулась к парню.

Тот уже присел на корточки под сосной и закуривал. Рассмотреть его в сумерках как следует не удавалось. Светлые джинсы, темная толстовка, лохматая прическа неопределенного цвета...

– Эй, привет! – позвала Ася. – Ты местный?

– Ага, – кивнул парень.

Голос у него был приятный, слегка глуховатый.

– Не знаешь, где тут ловит Интернет? Может, на территории санатория?

– Не-а, не знаю, – покачал головой парень.

– Ну, брось, как это? – не поверила Ася. – Ты же тут живешь, так? Как ты можешь не знать, где тут в окрестностях связь нормальная?

Она подошла ближе.

Парень протянул ей сигаретную пачку:

– Будешь?

Ася, помедлив, кивнула, вытащила из пачки сигарету, случайно задев ладонь парня кончиками пальцев. Рука была теплая, и Ася только сейчас поняла, как замерзла, стоя в тонкой футболке и шортах над обрывом. Днем было жарко, но сейчас, после захода солнца, похолодало. И от реки ошутимо тянуло сыростью.

Парень щелкнул зажигалкой, и лицо его на несколько секунд осветилось оранжевым пламенем. Ася успела рассмотреть светлые с прозеленью глаза, щедро осыпанный веснушками, чуть вздернутый нос, длинные смеющиеся губы, сжимавшие сигарету. На вид ему было лет семнадцать-восемнадцать. Потом она прикурила, зажигалка погасла, и лицо парня снова отступило в темноту.

– А зачем мне знать, где тут ловит Интернет? – равнодушно спросил парень.

– Ну... – растерялась она. – Не знаю. Фейсбук там смотреть или инстаграм. Чтобы общаться...

– Ну, вот мы с тобой сейчас разве не общаемся? – дернул худыми плечами он.

– Да, но ты обо мне ничего не знаешь, – засмеялась Ася. – А так сразу бы увидел, как меня зовут, что мне нравится, какая музыка, какие фильмы.

– Я знаю, что ты замерзла, – сказал вдруг парень. – Держи!

Он отложил недокуренную сигарету на валявшийся на земле кусок коры, стянул через голову толстовку и протянул ее Асе.

– Хм, спасибо, конечно, – недоверчиво отозвалась она. – А тебе разве не будет холодно?

– Если станет неважно, отберу обратно, – пообещал он. – Бери. Пока я добрый.

– Ладно, тебе же хуже, – усмехнулась Ася и натянула толстовку через голову.

Она была еще теплая после незнакомого парня, слегка пахла стиральным порошком, табачным дымом и еще чем-то смутно приятным, что, наверное, было его собственным запахом. От этого у Аси почему-то вспыхнули щеки, и сердце выполнило сложный акробатический кульбит, ударившись о ребра.

Она опустила на землю рядом с парнем, поджала ноги и натянула толстовку, которая была сильно ей велика, на колени.

В самом деле стало тепло.

– Ну вот, – сказал парень, – с холодом разобрались. А про все остальное ты мне сама расскажешь, если захочешь. Меня, кстати, зовут Артем.

– Я Ася, – представилась она.

– Ася? Это что же, Ассоль, если полностью? – хмыкнул он. – Ты поэтому на обрыве торчала? Алые паруса караулишь?

– Нет, полностью – Анастасия, – пояснила она. – Просто я имя Настя терпеть не могу. Ася или Тася – нормально.

– Вот видишь, – заметил он. – И Фейсбук на фиг не нужен. Я уже знаю, что ты Ася или Тася, но не Настя. Что ты любишь фотографировать закаты. Что ты живешь не здесь – иначе не стала бы спрашивать, где ловит Сеть. Но приехала сюда не в первый раз – хорошо

ориентируешься на местности, не побоялась заблудиться в темноте. Хочешь, еще что-нибудь угадаю?

– Рискни, – подхватила игру Ася.

– У тебя, наверно, не так уж много друзей, раз ты так привязана к социальным сетям. А еще... один твой родственник сейчас серьезно болен, и ты переживаешь за его здоровье.

Ася нахмурилась:

– Интересно, а это ты как вычислил? По тому, как я стояла на обрыве, или из-за того, что спрашивала про Интернет?

Артем рассмеялся.

– Да я просто катался на велике по поселку и видел, что ты вышла из дома, где директор санатория живет. А про то, что у Воронцова инсульт был, – весь санаторий знает, у меня мать там санитаркой работает.

– Вот, значит, как, – тихим угрожающим голосом отозвалась Ася. – По-твоему, это очень смешно, да? Знать, что у моего деда инсульт, и использовать это, чтобы меня обдурить. Знаешь что, да пошел ты!

Ася резко поднялась с земли, развернулась и пошла прочь, забыв, что все еще одета в толстовку Артема.

Горло щипала едкая досада. Вот debil! А он-то еще ей понравился!

– Эй, погоди!

Артем догнал ее через несколько шагов и ухватил за запястье. Ладонь его была шершавой, Ася кожей ощутила твердые длинные мозоли под пальцами. Наверно, часто катается на лодке, такие мозоли – от весел. Так-то, она тоже способна кое-что вычислить!

– Слушай, ну не злись, я ступил, – начал уговаривать ее Артем. – Просто... просто ты мне понравилась, и я несу первое, что придет в голову, чтобы привлечь твоё внимание.

Кровь снова прилила к лицу, дыхание сбилось. Ася осторожно выдохнула, чтобы не обнаружить своего волнения.

– Ого! Ты всегда так: сразу выдаешь всю правду?

– Всегда, – усмехнулся Артем. – Мать говорит про меня – язык без костей.

– Тогда я тоже могу кое-что про тебя угадать, – лукаво заметила Ася. – В школе тебя наверняка лупили.

– Пытались, – кивнул Артем. – Но удавалось – редко.

– Ты что же, такой крутой: любого можешь побороть?

– Не-а, просто бегая быстро, – откровенно ответил он.

Они рассмеялись и пошли к дороге.

Стало уже совсем темно. Небо раскинулось над соснами темно-фиолетовым шатром. Луна еще не выкатилась из-за горизонта, и первые звезды бледно мерцали, разгораясь постепенно. Запахло пряной ночной свежестью.

– Ну, и где твой велик? – спросила Ася.

– Вот!

Артем отошел на несколько шагов, нагнулся и поднял с земли оставленный велосипед.

– Хочешь прокатиться?

Ася вытащила из рюкзака мобильник, взглянула на время и с сожалением покачала головой:

– Поздно уже. Мои панику поднимут, что я пропала.

Они двинулись по дороге к Асиному дому. Артем вез велосипед рядом с собой, и тот тихо позвякивал в темноте.

– Давай, завтра тогда? – не отступал он.

– Давай, – улынулась Ася. – Или можно на – лодке...

– Откуда ты узнала про лодку? – изумился Артем.

Ася уже взялась рукой за калитку, затем обернулась к нему и улыбнулась, пытаясь вложить в улыбку побольше загадочности.

– Вычислила по форме твоих ушей. Спокойной ночи!

В доме было тихо.

Все, кажется, разбрелись по своим углам. Из Вероникиной комнаты доносился приглушенный шепот и смешки мальчишек. Отец должен был ночевать в дедовском кабинете, оттуда не доносилось ни звука.

Ася поднялась к себе.

Тетки Александры в комнате не было. «Наверно, все никак не успокоится со своими рабочими переговорами», – подумала Ася.

Только сейчас она поняла, что все еще одета в толстовку Артема. Черт знает почему, но расставаться с ней не хотелось.

Ася стянула шорты, а толстовку не тронула, забралась под одеяло прямо в ней. Мягкий трикотаж уютно согревал тело, и пахло от него почему-то так приятно...

Ася свернулась калачиком и закрыла глаза.

3

К главному корпусу санатория вела широкая аллея, обсаженная по краям высокими голубыми елями. Александра вспомнила почему-то, что в ее детстве ели эти только посадили – после капитального ремонта территории, и какое-то время они были с ней, маленькой, одного роста. А потом они рванули вверх, и она переживала, что растет медленнее, чем елки на папиной работе. Когда ей было семнадцать, елки уже сильно обогнали ее в росте, но все равно не были такими высоченными монстрами, как сейчас...

За елками виднелись больничные корпуса, кое-где мягко светились в сумерках окна палат, резким голубоватым светом выделялись окна коридоров, остававшиеся освещенными даже на ночь.

Александра не знала, на что рассчитывала, заявившись в санаторий так поздно. Мать сказала, что Андрей часто задерживается на работе допоздна.

– Выслуживается, – бросила она, брезгливо скривив губы.

Впрочем, у Александры этот факт не вызвал такой однозначно отрицательной оценки. Ей и самой приходилось ночевать в офисе, когда, засидевшись за срочной работой, она вдруг понимала, что логичнее будет прикорнуть на несколько часов прямо здесь, на диване, чем ехать через полгорода домой, чтобы к восьми снова появиться на службе.

Тем более Новиков сказал, что разошелся с женой и переехал жить в квартиру в корпусе для персонала. В таком случае ему, наверно, и в самом деле нет разницы, где находиться вечерами – в кабинете или в казенной квартире соседнего здания.

Если, конечно, он не встречается с кем-нибудь...

Александра, рассердившись на себя, быстро прогнала эти мысли. Личная жизнь главного врача санатория ее абсолютно не касалась!

Ей нужно всего лишь подробнее узнать у него о состоянии отца, о его перспективах. У матери все равно не удалось ничего толком выяснить. Сплошные охи и причитания – крайне раздражающая несобранность!

Для себя Александра решила, что, если не удастся застать Андрея в кабинете, спросит у вахтерши его телефон. Идти к нему на квартиру с разговорами в такой час, конечно, было бы лишним. Звонок, разумеется, тоже не вполне уместен, но все-таки Новиков кое-чем обязан ее семье и, как надеялась Александра, должен проявить понимание.

На ее удивление, вахтерша на входе подтвердила, что главврач все еще у себя.

– Сашенька, никак ты? – изумилась она, отрываясь от вязания и подслеповато вглядываясь в позднюю посетительницу. – Ох, ну и взрослая же! А я ведь тебя еще вот такой помню...

Александра терпеливо вынесла обрушившийся на нее водопад воспоминаний и вздохов пожилой женщины.

Честно сказать, сама она ее не помнила. Для нее весь отцовский персонал был на одно лицо. Понятно, что ее саму, старшую дочку директора, знали все, удивительно было только, что узнали и сейчас. Ей-то казалось – она достаточно поработала над своей внешностью, чтобы изменить юношеский образ. Вместо темной длинной косы – четкая стрижка, призванная подчеркивать серьезность и твердость характера, вместо извечных джинсов и мальчишеских рубашек, за которыми она когда-то прятала неуверенность в себе и боязливость – строгий, возможно, даже немного агрессивный, деловой стиль.

Ей немного неприятно было осознавать, что из-за всей этой тщательно выбранной брони до сих пор проглядывает тогдашняя Саша Воронцова.

– Сашенька, как папа? – не отставала вахтерша. – Золотой человек, дай ему бог сил и здоровья. Мы все за него молимся, ты так и знай!

– Да-да, хорошо. Спасибо! – отозвалась она и, вырвавшись наконец из цепких лап бабульки, заспешила вверх по лестнице.

В коридоре пахло дезинфицирующим средством. Чистота стояла стерильная – Александра помнила, как жестко следил за этим отец. Ни пылинки, ни пятнышка. Белые двери кабинетов прямо-таки сияли чистотой. Удивительно, конечно, что такого строгого и бескомпромиссного директора персонал настолько любит и ценит, что даже молится за него! Впрочем, возможно, вахтерша несколько преувеличила свои чувства, рисуясь перед дочерью директора...

Александра осторожно постучала в тяжелую деревянную дверь с табличкой «главврач Новиков А. П.» и, не дожидаясь ответа, заглянула в кабинет.

Андрей стоял у окна, выходящего на задний двор санатория, и говорил по мобильному. Если он и был удивлен, увидев Александру, то не подал виду, быстро кивнув ей, приглашая подождать, пока он не закончит разговор.

– Значит, я могу рассчитывать: послезавтра, в крайнем случае в понедельник, – сказал он кому-то. – Да, дело не терпит, сам понимаешь. Нужно спешить, иначе может быть поздно. Конечно, я подъеду, переговорю с ним сам.

Александра опустила в кресло для посетителей, напряженно прислушиваясь к репликам Андрея. Было очевидно, что, несмотря на позднее время, разговор шел о работе.

«Нужно спешить... может быть поздно...»

Что может быть поздно?

Скончается действующий директор санатория Воронцов?

Значит, мать была права, и Новиков спешит заручиться министерской поддержкой, чтобы после смерти отца занять место директора?

В чем еще она права?

В том, что Новиков намеренно подсел отца через своего министерского приятеля и фактически довел его до инсульта?

Эта мысль оставила неприятное скребущее чувство. Отчего-то ей не хотелось думать об Андрее как о интригане и предателе.

Странно. Ей казалось, что все эти годы она именно так о нем и думала.

Выходит, нет?..

Андрей закончил разговор, попрощался и отложил мобильный. Затем поднял глаза на Александру – усталые, поблекшие, словно глубокую синеву присыпало пеплом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.